

Артем Шихиди

Мертвый лангольер

«Нет, нет – не должно сваливаться так много дерьма на бедную голову обыкновенного фермера из Алабамы» – размышлял о своей несчастной судьбе Джон Карвер, медленно раскачиваясь в кресле-качалке.

Всего за одну только последнюю неделю в его жизни произошла целая серия катастроф и происшествий: в понедельник последний мятый доллар семейного бюджета вырвало из рук порывом ветра и унесло в неведомую даль; во вторник на дверях его закусочной у дороги пришлось с самого утра повесить табличку «закрето», а уже вечером взбесившийся шторм вынес там одно из стекол; в среду Мира забрала пятилетнего Бобби и, не обращая внимания на штормовое предупреждение отправилась к матери, бросив перед отъездом: «я развожусь с тобой»; в четверг ураган обрушился сверху, как кара небесная и хорошенько поободрал их домишко, выкорчевал пять плодовых деревьев и перевернул ветряк.

А сегодня в пятницу днем, инспектируя свои владения, возле сарая Джон наткнулся на отвратное мертвое существо, «эту гадость» – как он её сразу же и окрестил. «Эта гадость» – здоровенная бурая зверюга, похожая на гибрид гигантского баскетбольного мяча и акулы валялась под прояснившимся небом в куче навоза с умиротворенным видом туриста загорающего на пляже.

Ни ног, ни крыльев – как уродина попала сюда? Или, может, её ураганом занесло? Но тогда откуда? Из зоопарка Бирмингема¹?

На вид существо было *не очень-то земное*, если не сказать *очень даже неземное*. А если опасения Карвера по поводу внеземного происхождения этой тварюги подтвердятся, то... ФБР, допросы, журналисты... В общем – чумовая суббота, воскресенье и остаток жизни гарантируются!

«Что ж делать?» – этот вопрос он задает себе всю эту неделю. И хоть бы раз хоть наметился какой-то ответ – нет, ни хрена! Джон Карвер в дерьмо шлепнулся, Джон Карвер сам себя и должен доставать... Отлично!

Единственное, что пришло в разгоряченную голову – оставить чудище в навозе на ночь, а самому пойти домой, глотнуть чаю (есть-то всё равно нечего) и – в кровать. Утро вечера мудренее.

Закат был просто великолепный – какие бывают только до или после бури: красный, со всевозможнейшими оттенками, растекшимися среди отпечатавшихся на небе облачных следов урагана. Вечер, такой же тихий и одинокий, как и сам Карвер.

Когда-то мальчишкой, сидел он примерно так же, как сейчас на веранде и слушал истории своего старого пройдохи-отца, открыв рот от удивления, потому как всё в этом мире выглядело и звучало нереально: потусторонний закат перед глазами, необычайно веселый голос отца слева, где-то за спиной, а в другом мире

---

¹ Крупнейший город штата Алабама

– шкварчание маминых пирожков на кухне, и редкий шум самосвалов вдалеке у дороги.

В те годы все было, конечно же, проще – тогда он был сыном, но не был ещё отцом и мужем. Тогда он дивился смекалистости и энтузиазму своего отца, и пока еще не злился на свою собственную тупоголовость и неудачливость.

Отец много рассказывал о своих приключениях в японском плену, о путешествиях по Карибскому заливу в поисках сокровищ... Когда Джон стал постарше, даже о своих любовных похождениях (в эти моменты пирожки на кухне не скворчали, так как мамы дома не было). От старого пройдохи и досталась Карверу забегаловка у дороги – отец незадолго до смерти в 84-м решил «поправить» семейное благосостояние. Потом был сердечный приступ, госпиталь...и пышные похороны ветерана войны. Может быть, тогда, четыре года назад, и начались все проблемы Джона Карвера. Именно с этой забегаловки... Сначала она приносила доход – даже очень не плохой. Но, видите ли – конкуренция: в миле к западу по шоссе открылся торговый центр. Спрашивается: чего давиться «У Карвера», когда можно полакомиться в любом из 5 достаточно дешевых ресторанчиков в торговом центре.

Вот так и прогорает бизнес. Может, сам отец и придумал бы чего, может, и нашел способ привлечь клиентов. Отец, но не «малыш» Джонни, нет.

«Я пытался»– убеждал он себя, стыдливо припоминая, как дошел до вершины идиотизма и нанял на работу в вечерние часы профессиональную стриптизершу. По началу пьяные дальнобойщики веселились в его заведении до упаду – доходы даже немного возросли. Немного.

Потом Вера (так звали стриптизершу) ушла. Не хотелось ей, видите ли, получать всего 50\$ за вечер! Вакансию никто более не занял.

Кроме того, Мира стала подозревать мужа в неверности («ты трахал её? Трахал Веру?») и устраивала сцены.

Эта женщина всегда устраивала сцены. Но ведь и собственная мать Джона была тоже не ангелом – крики и скандалы чуть не по расписанию. Может, по этому он и решил, что ругань для женщин – еще одна естественная нужда.

«Мира, Мира» – спрашивал он про себя той же ночью, лежа один в холодной постели, медленно засыпая – «И почему ты меня бросила одного – голодного, разбитого, да еще и рядом с этим... чудовищем, лежащим на поле?».

Мысль о чудовище сожрала остатки сна: пришлось включить свет, укутаться в одеяло и пол ночи бдительно смотреть в окно в ожидании появления зубастой твари. Под утро вымотавшийся организм сказал «хватит»! – и отрубился. Но не прошло и двух часов, как левый глаз ужалил луч восходящего солнца, от чего Джон спросонья дёрнулся, чуть не рухнул с кровати, растянул мышцу бедра и принялся будить округу своим истошным воплем.

С добрым утром Джонни!

В ванную направился, прихрамывая и матерясь, но у воды есть замечательное свойство – она успокаивает: тепло расслабило поврежденную мышцу, а заодно и его самого привело в чувства.

А вот холод абсолютно пустого холодильника привел Джона в отчаянную ярость. Что теперь?! Что ж теперь?! С голоду сдохнуть что ли!? Или пойти курей у соседей воровать!? А чёрт...

Через два часа Джон уже не знал, куда себя девать – желудок просил еды, мозг просил еды, душа просила еды.

Еда.

Что вообще можно есть, не рискуя при этом загреметь в госпиталь? Траву? Листья? Может земляных червей? Пустой желудок съежился от этих мыслей...

«Как думаешь, инопланетяне съедобны?» – поинтересовался голос отца – «Японцы тоже достаточно *чужие* нам американцам существа. А, тем не менее, на вкус были ничего...»

Джон даже похолодел... Он начинал понимать, к чему клонит отец.

«Я к этой уродине не подойду и близко! Пусть гниёт себе в куче дерьма!» – закричал Джон вслух и тут же понял, каким таким образом голод может свести с ума...

«Я, наверное, законченный идиот» – говорил он себе ещё пять часов спустя, когда тащился с тесаком по направлению к своему «нежданному гостю». Зверюга продолжала отдыхать в навозе и, судя по еле уловимому запаху, срок её годности подходил к концу.

«Действуй!» – В лучах полуденного света, рубя топором тело мертвого монстра, горланящий Джон был похож на Конана-Варвара. Его крик всколыхнул воронью стаю... Сволочи видимо хотели приняться за *его* еду... Но он их опередил...

«Еда, еда, еда!» – без устали повторял он, обжаривая на сковороде это на удивление мягкое, самое мягкое какое он только мог себе представить мясо. И никаких тебе ядовитых кипучих соков, жил, слизи, как он ожидал вначале... *Это* мясо лучше, чем свиная вырезка.

Положив первый кусочек в рот, он чуть было не закричал от этого гастрономического оргазма... Вкус был изумительный! И, похоже, не только из-за вынужденного многочасового голодания. Просто это мясо было...неземное – других слов нет!

Ночью он всё никак не мог заснуть – ворочался, проваливался в сон, в котором ему грезилось лишь одно: его зубы впиваются в хрустящую сочную розовую мякоть...

Около трех часов ночи, вооружившись фонариком и топором, Джон отправился к навозной куче.

«Оказывается, не так много я от него и отхватил» – подумалось ему при виде покровсанной бурой туши. Мысль эта привела к иной, более чем оптимистичной: «Ближайший месяц я с голоду не умру. По крайней мере, если найду где эту заразу заморозить...»

В следующий же миг его чуть не подбросило вверх от радости:

«Ха! Да у меня же гигантский морозильник в собственной кафешке! Чёрт! Как же раньше-то не додумался!»

Страшно, наверное, было даже притаившимся в чаще леса совам наблюдать за тем, как через освещенное луной поле сгорбленный человек везет в телеге нечто ужасное... то от чего исходило жуткое свечение, видимое лишь тем, кто по-настоящему знает, что такое *тьма*.

«Ура!Ура! Джону есть пора! С голоду Джон не помрет никогда, есть у него крутая еда!...») – горланил он на всю округу, пугая ночную живность, и даже луна спряталась за единственной на небе тучей.

«Самое вкусное мясо на свете – узнают папаши, мамыши и дети! Вновь ты откроешь своё заведение – стару и младу готовь угощенье! Если мой сын всё ж не дурак, будет богат он как Скрудж МакДак!» – вновь дал подсказку голос отца теперь уже в форме дурацкого стишка.

Безумно счастливый от того, сами небеса прислали ему такой сказочный подарок, который он по дурусти своей вначале не оценил, Джон прибавил ходу: не терпелось нарезать этих сочных стэйков, поджарить их, посолить, добавить перцу и подать себе на стол. Еще больше заводила та мысль, что с утра на дверях забегаловки можно будет вновь повесить табличку «открыто».

Тем временем старый пройдоха всё подбадривал:

«Я уверен, сынок, стоит одному клиенту зайти и попробовать твоего «фирменного блюда» (не забудь сказать, что это – фирменное блюдо!) – через полчаса вся округа будет у тебя!».

«Да... А что я буду делать, когда от ... от этой гадости ничего не останется? Опять закроюсь?!» – в сознание вновь вернулся старый добрый нытик и, как обычно, начал портить настроение.

«Во-первых, у тебя будет куча денег, во-вторых,...не знаю!...Мало ли, может, над нашими землями образовалась дыра во времени и пространстве?! Тогда жди еще подарочков!»

За размышлениями о перспективном будущем Джон, сам того не заметив, слопал две тарелки и внезапно понял, что хочет еще... Так оставшаяся половина ночи прошла за приготовлениями к завтрашнему открытию и презентации блюда...Ну, и за небольшими, но частыми приёмами его во внутрь...

Когда Салтон Джэй, толстый и дюже весёлый развозчик молока, заглянул около 8 утра в кафе, он поначалу и не признал Джона Карвера – принял поначалу за какого-то бледного, худенького старикашку.

«Хэй, Джон! Хреново выглядишь!» – засмеялся он как обычно громко, хотя в этот раз немного нервно.

«А ты как всегда на все 100!.. Килограмм!» – радостно ответил Джон, выкладывая на стойку меню – «У меня тут новинка! Блюдо дня! Чудо-стэйки по-Карверски! Будешь первым, кто отведаёт... Садись!»

Старенький стул заскрипел под присаживающимся молочником. Через пару недель такого скрипа доноситься уже не будет – Салтон сбросит половину своего веса, причём безо всяких диет.

«Давай, давай! Неси! Запах тут стоит аппетитный!» – прокричал он вслед уходящему на кухню Джону и принялся беззастенчиво ковыряться ногтём в огромных своих зубищах.

Через полминуты эти самые зубища жадно вгрызались в сочную мякоть... А вот глазища ошалело глядели на ухмыляющегося Джона.

«Черт побери! Где ты взял этот рецепт! Расскажи скорее!» – из голоса Салтона исчезла беззаботная весёлость – вместо нее теперь было только удивление и какая-то, как определил для себя Карвер – «ненасытная поспешность».

«Салтон! Во-первых, это секрет фирмы, во-вторых, долго рассказывать, в-третьих, тебе, кажется, пора идти!»

«Ах, ну да... Слушай, сваргань-ка мне еще порцию! Плачу вдвойне!»

Джон засмеялся и снова ринулся на кухню, буркнув себе под нос: «Заработало!»

К вечеру у кафе «У Карвера» стояла очередь: Джон без устали мотался с подносами, раздавая фирменные стэйки, довольный отзывами типа «Господи, Джон! Это лучшее, что я пробовал в жизни!». В нагрудном кармане рубашки хрустели полторы тысячи баксов... И это всего только за четверть зверюги!

Единственное, что огорчало – постоянный голод и это неутолимое желание сожрать побольше. «Прямо наркотик какой-то, а не мясо!» – хихикнул он одному из посетителей. Получилось не так весело, как он хотел...

В понедельник очереди не было... Было паломничество! Две четверти «этой радости» (теперь он стал называть чудовище именно так) ушли за восемь часов, и пришлось закрываться чуть раньше обычного. Да и чего сегодня ещё надрываться, когда в кассе теперь лежат шесть тысяч зелененьких американских долларов?!

По пути в кухню заглянул в висящее на стене зеркало и отшатнулся. Господи, этот высохший старик не может быть Джоном Карвером!

«Наверное, я просто заработался. Завтра надо будет отдохнуть... Мира с Брайаном должны скоро вернуться, а я тут в таком виде...».

«Завтра придётся отдохнуть...» – захныкал впервые проснувшийся за последние дни нытик – «И послезавтра, и после-после... Мяса почти уже не осталось. Если откроешься завтра – утром всё и съедят. А ведь хочется еще и самому полакомиться!»

Мысль о том, что «радости» может не стать, ужаснула. Он полвечера простоял на поле под хмурым предгрозовым небом, умоляя, чтобы Бог «ниспослал благодать хотя бы еще один разочек».

Глубокой ночью начался ураган – внезапно и яростно сорвался с вершин и ударил по окрестностям. Не такой сильный, как в прошлый раз, но достаточный чтобы уже во второй раз принести с собой «божью благодать». Джон ждал, Джон надеялся – вылетел ранним утром на улицу и стал обегать свои земли. Поначалу решив, что Бог его не услышал, он, опустив голову, поплелся домой с единственной мыслью напиться, как следует и прокутить где-нибудь в городе все

заработанные деньги. Но потом всё же увидел: *оно* лежало под деревом – еще более крупное, чем первое и такое же... аппетитное. Карвер рванул вперед и упал перед трупом на колени, покрывая поцелуями мокрое бурое тело «радости». Небо полчаса слушало его нескончаемые слова благодарности.

Три дня спустя утром в кафе зашел высокий, темноволосый человек в очках. Он окинул взглядом помещение и направился к стойке. Двое, занимавшие столик в углу странно покосились на него, и можно было услышать, как кто-то из них буркнул «не местный».

«Доброе утро сэр! Желаете перекусить?» – говорившему на вид было лет пятьдесят, и мужчина в очках сразу отметил для себя какую-то странную болезненность его лица и странный лихорадочный взгляд. Писателю полагается многое замечать.

«Да. Там на вывеске что-то говорится про блюда дня... Что это?»

«О, это чудесная вещь!» – ответил Джон Карвер – «Стэйк по-Карверски! Спросите вон тех двух ребят – они вам расскажут как это вкусно! Возьмите, не пожалеете...»

Писатель вопросительно посмотрел на «двух ребят».

«Да, сэр...» – начал один из них хрипло – «Эта штука потрясающая! Но только вот наесться ею нельзя, да и финансы она поедает. А заодно и время!»

«Да, бывало полдня прстоишь в очереди за стэйком» – подхватил другой – «А потом еще и есть будешь около часа, всё заказываешь да заказываешь!»

«Ну, спасибо ребятки за рекламу! Хуже и выдумать было нельзя» – Джон ухмыльнулся, хлопнул себя по коленям и обратился к мужчине в очках – «Мистер, возьмите: вы еще своим внукам будете рассказывать, какой вкусный завтрак отведали «у Карвера»»

Писатель почесал затылок, наигранно-задумчиво помычал и ответил: «Звучит заманчиво, но доктор запретил жаренное на некоторое время... Уже неделю блюда этот закон... Я смотрю, у вас тут салаты есть? Вот это я съем с удовольствием!».

«Ок!» – Джон не скрывал своей досады, но всё же сумел изобразить улыбку потрескавшимися губами – «Садитесь, пожалуйста. Сейчас принесу. Пить чего изволите?»

«Бадвайзер, пожалуйста»

Мужчина присел. Станным показалось ему всё это заведение: и посетители и этот владелец – ведь он на самом деле гораздо моложе, чем выглядит. Хм... Стэйки – пожиратели времени и денег... Интересно!»

«Хэй, мистер! Вы же Стивен Кинг, да!?» – голос одного из мужчин за соседним столиком – «Чёрт, я сразу и не признал! Можно пожать вашу руку?»

Писатель ещё не успел ответить «да», как эти двое уже оказались возле него, протягивая свои мозолистые рабочие лапища. Вот так всегда: из года в год, из города в город – везде одно и то же, где бы его не узнали.

Он дал им автографы, пожал руки, пояснил, что попал в их края, находясь в творческих поисках – обычная отмазка для особо любопытных, а потом, чувствуя

неловкость под их постоянными взглядами из-за соседнего стола, быстренько съел принесённые салаты, залил в себя пиво, расплатился и поспешно вышел из кафе.

Через несколько месяцев он ещё прочтет статью о странных смертях десятков людей в штате Алабама. Бедолаги умирали от истощения, хотя и питались весьма исправно. Доктора разводили руками. «Такое впечатление, что в их желудках абсолютная пустота. Они едят, но вещества не поступают в организм!».

На улице он ещё раз обратил внимание на вывеску «Блюдо дня – Стэйки по Карверски» и от руки нарисованный рядом баскетбольный мяч, вгрызающийся в стэйк острыми как у пилы зубами. И ниже надпись «Наши стэйки по вкусу всем!»

«Забавно!» – мелькнула мысль – «Стэйки – пожиратели времени, денег... всего сущего».

Кажется, сам того не ведая, он нашел идею для новой книги...